

№ 225.

ЧЕТВЕРГЪ, 24 апрѣля 1914 г.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА.
Одесса Дерибасовская, уг. Ря-
шельской. Д. Новикова.
Объясненія лично съ 11 до 12 ч. д.

ВЕЧЕРНЯЯ

ТЕЛЕФОНЫ:
Редакция—43 73, 12-25.
Конторы—43-74.
Типография—43-77.

ЮЖНАЯ МЫСЛЬ

Маленькій фелетонъ.

Въ ближайшемъ альманахѣ «Шиповника» будутъ помѣщены «Воспоминанія объ А. П. Чеховѣ въ Художественномъ театрѣ—Л. А. Сулержицкаго.

«Рѣчь» имѣетъ возможность до выхода альманаха передать «отрывки книги, записанные Л. А. Сулержицкимъ со словъ товарищей, среди бесѣдъ о театрѣ, о его жизни, въ мечтахъ о его будущемъ, въ воспоминаніяхъ о прошломъ, въ которомъ имя Антона Павловича занимаетъ такое большое мѣсто»...

Въ нѣсколькихъ яркихъ словахъ К. С. Станиславскій рассказываетъ о своихъ первыхъ встрѣчахъ съ Чеховымъ. Ему пришлось выступить въ Москвѣ, въ театрѣ Корша на музыкально-литературномъ вечерѣ въ пользу фонда. Въ настоящемъ театрѣ передъ настоящей публикой артистъ выступалъ впервые и былъ очень занятъ собой. Онъ оставилъ верхнее платье не за кулисами, а въ корридорѣ партера, въ расчетѣ встрѣтить здѣсь Антона Павловича. Но дебютъ былъ неудаченъ, и К. С. торопился уйти изъ театра незамѣченнымъ. Но какъ разъ въ эту то критическую минуту онъ наткнулся на Антона Павловича. Послѣдній прямо подошелъ къ Станиславскому и привѣтливо обратился къ нему.

— Вы же, говорятъ, играете мою пьесу «Медвѣдь».—Послушайте, сыграйте же. Я приду посмотреть, а потомъ напишу рецензію.

Помолчавъ, онъ добавилъ:

— Авторскія получу.

Помолчавъ еще, онъ заключилъ:

— 1 р. 25 коп.

«Признаться, я обидился тогда,—говоритъ Станиславскій,—зачѣмъ онъ не похвалилъ меня за только что исполненную роль. Теперь я вспоминаю эти слова съ умиленіемъ. Вѣроятно, А. П. хотѣлъ ободрить меня своей шуткой, послѣ только что непытливой мною неудачи».

А вотъ еще характерный для Антона Павловича штрихъ, также переданный Станиславскимъ. Собрались въ маленькомъ тѣсномъ кабинетѣ редактора извѣстнаго журнала. Извѣстный архитекторъ и другъ Чехова демонстрировалъ планъ зданія народнаго дома, чайной и театра. Всѣ глубокомысленно слушали, а А. П. ходилъ по комнатамъ, всѣхъ смѣшилъ и всѣмъ какъ будто мѣшалъ. «Въ тотъ вечеръ,—говоритъ Станиславскій,—онъ казался особенно жизнерадостнымъ: большой, полный, румяный и улыбающійся. Тогда я не понималъ, что его такъ радовало. Теперь я знаю. Онъ радовался новому, и хорошему дѣлу въ Москвѣ. Онъ былъ счастливъ тѣмъ, что къ темнымъ людямъ проникаетъ маленькій лучъ свѣта.

И послѣ всю жизнь его радовало все, что краситъ человѣческую жизнь.

— Послушай, это же чудесно!—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, и дѣтски-чистая улыбка молодила его.

И каждая страничка воспоминаній, приводимыхъ г. Сулержицкимъ, такъ же колоритна, какъ и приведенные отрывки дополняютъ знакомый обликъ А. П. Чехова.